

Л.А. Беляев

АРХЕОЛОГИЯ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Статья выполнена в рамках НИР «Культура Московской Руси и ее истоки»_0176-2014-0007Э.

Дан краткий обзор современного состояния исторической археологии в России и предложена возможная стратегия ее развития. Стратегия состоит в использовании огромной массы собранных за последнюю четверть века материалов XVI–XVIII вв. путем сравнительного анализа в постоянно расширяющемся пространстве. Такой подход позволит оценить элементы единства и различия в разных концах Северной Евразии эпохи Московского царства и ранней Империи, а также сравнить их с предшествующим периодом в Центральной России и в областях к востоку от Урала. Демонстрируются имеющиеся примеры такого анализа на материалах материальной культуры (изразцы, элементы погребальной традиции, одежда и обувь). Указываются направления дальнейшего развития.

Ключевые слова: историческая археология позднего Средневековья и география России; сравнительный анализ; погребальные комплексы Нового времени; изразцы.

Людмила Александровна Чиндина – автор работ по археологии очень широкого хронологического спектра, объединенных одним регионом Сибири – Средним Приобьем, Омской и Томской областями. Специалист по эпохе раннего железа и этнической истории самодийских этносов, она естественно перешла от анализа раннего этногенеза к изучению его взаимодействия с русскими, расширив границу исследования вплоть до Нового времени. Ею же, в сущности, инициированы и работы на молодом пока направлении «русской археологии», где Томский университет сформировал один из самых активных коллективов – лабораторию (под руководством М.П. Черной), целенаправленно занятую исследованием памятников XVI–XIX вв. Полагаю, что проблемы, поднимаемые в данной статье, будут интересны ученым из семьи Чиндиных.

«Эпиграфом» к анализу послужит попавшая мне в руки в 1990-х гг. неизвестная и ранее не публиковавшаяся акварель, на которой изображен, согласно подписи, Мариинский пост на реке Амур в 1855 г. (рис. 1). Был назван и автор – некто Н. Медведев. Изображение трудно было назвать шедевром графики, но в нем были свежесть и стремление к топографической информативности, особенно присущие наивным рисункам с натуры. Медведев, безусловно, владел некоторыми профессиональными навыками. На листе подробно выписан берег реки с полукруглой баржей, служащей опорой мостков; на берегу – четыре бревенчатые избы (в отдалении еще несколько) и три белые палатки, возле которых беседуют двое в военной форме. Над домами – флаг на шесте, а несколько деревьев выстроены в ряд по одну сторону спуска к реке. У берега стоит большая барка с уютными занавесками на широких, явно не корабельных, окнах; ее палуба окружена балюстрадой и полностью перекрыта большим полотняным навесом. Здесь не место останавливаться на раскрытии обстоятельств появления на свет акварели (они связаны с перипетиями Амурской экспедиции: походом Г.И. Невельского, тремя «сплавами» по Амуру Н.Н. Муравьева и его переговорами с китайскими чиновниками, проходившими именно в 1855 г. в Мариинском посту и подготовившими почву для Айгунского трактата

1858 г.), а также на личной судьбе автора рисунка, офицера Медведева из отряда Муравьева) – этому следует посвятить специальное исследование¹.

Данная акварель – пример счастливой добычи для археолога Нового времени, поскольку это идеальный образец для комплексного анализа. Ее дата укладывается в современные представления об исторической археологии, в сюжете достаточно предметной составляющей, а источники позволяют связать изображенное со значимыми событиями в истории русского освоения пространства Евразии. Более того, в ходе исследования в поле зрения оказываются и другие поселения на Амуре, более известные как памятники археологии, прежде всего Албазинский острог.

Пример показывает, что как область практической работы, археология Московского периода и Нового времени (или «историческая археология») возникла в России гораздо раньше, чем была осознана в качестве особого направления, не только достойного соседствовать с традиционными разделами науки, но и особенно важного для страны. Можно сказать, что в XXI в. оно стремительно развернулось, набрав массу материала, которая ежегодно возрастает в невиданной прогрессии, причем его предельный объем практически неограничен. В итоге сегодня особенно актуальными для этой области являются постановка задач для анализа, выработка проблематики – так сказать, научная политика. Ведь пока направление в стадии становления, мы вольны предлагать ту или иную стратегию исследований (обзоры и предлагаемые варианты дальнейшего развития см.: [1–8]).

Ученые, занятые в новой области, работают сегодня достаточно разобщенно, и это вызвано не традиционными причинами удаленности центров или отсутствием интереса к материалу соседей. Совершенно наоборот – интерес очень велик, и привычная для археолога радость / удивление от узнавания собственного материала в чужих коллекциях (знаменитая модель «у нас такое тоже есть!») здесь, пожалуй, особенно сильна. Но площадей для изучения много до чрезмерности, объекты по характеру исключительно разнообразны, а материал из слоев идет, буквально, потоком.

Рис. 1. Медведев Н. «Маринский пост на реке Амур». 1855 г. Бумага, акварель. Собрание автора

У исследователей катастрофически не хватает времени и сил на осмысление эпохи в масштабе субконтинента или его больших зон, да и любая сравнительная работа крайне затруднена. Для этого недостаточно дискуссий на археолого-этнографических конференциях, активно проводимых в Сибири («Культура русских в археологических исследованиях», «Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция», «Интеграция археологических и этнографических исследований») и в Центральной России (Тульская ежегодная конференция по изучению позднего города; отводящие значительную часть времени на работу с материалами исторической археологии «Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья», «Археология Подмосковья» и др.; материалы съезда в Казани).

Наиболее выраженные приемы интерпретации – привычное мышление одним памятником (если не одним раскопом) и не менее привычная разработка изделий по типам и материалам (также в пределах довольно узкой зоны). Внутри этих методик выделяются примеры, когда, не покидая привычных рамок, но формируя в их пространстве все более сложную конструкцию, удается составить достаточно обширную и способную к саморазвитию картину. С одной стороны, в список таких исключений можно, хотя бы отчасти, внести огромную Москву с прилегающими землями ее древне-

го княжества; а также Санкт-Петербург (явно стремящийся сформировать особую по структуре исследовательскую модель, в которой древние и древнейшие памятники образовали единый узел проблем с исследованием Нового и даже Новейшего времени, которое протянулось уже до первых лет после революции 1917 г.).

С другой стороны, в области вещеведения наметились границы разделов, уже покрывающие (пусть с лакунами) огромные территории традиционной Московской Руси и ранней Империи, причем с выходом в зоны соседних «культур».

Среди таких общностей выделяются изразцы. Крайняя точка их изучения сегодня, на Западе – недавно обнаруженный комплекс печных «кафлей» с массой сюжетных экземпляров XVI–XVIII вв. из Кенигсберга, а на Востоке (сколько мне известно) – изразцы Воеводской избы в Томском кремле и другие комплексы Сибири. В центре страны мы имеем при этом огромный комплекс Нового Иерусалима и связанных с ним более ранних «никоновских» памятников (а у нас постепенно складывается особая сфера «археологии Никоновского периода»), причем это не только и не столько «малые формы», т.е. печные, сколько фасадный и интерьерный стеной декор. Отсюда идут нити на восток, прежде всего в Москву (с развитым производством ее слобод, работающих уже под контролем иноземных специалистов), а из столицы – в Среднее Поволжье: Городец, Нижний

Новгород, Балахну и, особенно, Казань и Свияжск. Напротив, Нижнее Поволжье с Астраханью и Подонье с новыми городами-крепостями в этом отношении пока *terra incognita*. Другим направлением движения было северное, прежде всего в Ярославль, Вологду, Великий Устюг, материалы которых археологически и архитектурно давно отмечены и изучены [9, 10].

Однако между этими крайними точками движения на север и восток и сибирскими материалами лежит, в общем, практически не изученное пространство городов Прикамья и Урала, не позволяющее оценить продвижение в Сибирь. Очень важно, что постепенно усилиями наших зарубежных коллег из Литвы, Беларуси и Украины заполняется и пространство от Восточной Пруссии до московских земель (укажу, прежде всего, на исключительно важную коллекцию Вильнюсского замка, материалы которой гораздо ближе к московским, чем кенигсбергские, белорусские и украинские) [11].

Из предложенной модели ясно, что важнейшим элементом в исторической археологии России является пространственно-хронологическая составляющая, позволяющая проследить (1) культурные новации, проникающие с конкретными носителями с Запада (художественно-стилевые, иконографические, технологические); (2) механизм их переработки и выработки раннего национального стиля и (3) дальнейшее распределение элементов первого и второго по городам России, включая Сибирь.

На каком количестве производств, стилей, форм обряда можно проследить эти процессы, используя археологию? Их пока сравнительно немного. Для археологии естественно апеллировать прежде всего к памятникам погребального обряда. Пока выделяются три группы изделий, демонстрирующих его развитие от XIV к XVIII в.: надгробные памятники, плиты и кресты (свод последних готовит сейчас А.В. Алексеев); каменные вместилища, т.е. саркофаги и склепы; инвентарь, особенно тельники (например, [11]), одежда (ей посвящен обширный ряд работ И.И. Елкиной), обувь (особенно в работах Д.О. Осипова), елейницы (о последних см.: [12]); постепенно намечаются и другие группы (например, оформление деревянных гробов, исследуемых Е.Е. Васильевой). Однако разброс, передвижение в пространстве наблюдаются не везде – видимо, за этим стоит хронология. Ведь характерные для Московской Руси типы изделий прекращают развитие раньше, чем успевают распространиться по-настоящему широко: каменные (прежде всего антропоморфные) саркофаги доживают до середины XVII в. [13], орнаментированные типовой резьбой плиты-надгробия – до его второй половины (как правило, уже в измененных формах); памятные каменные кресты с крестчатыми орнаментами и ранние типы елейниц к середине – второй половине XVI в. будут сменены новыми формами, выполняющими те же функции. Отдельные намеки на значимость этих форм, однако, встречаются: так, в Казани удалось обнаружить источник ориентальных орнаментальных воздействий на московское надгробие XVII в.; схожие с раннемосков-

скими плиты встречены в Смоленске (работы Вл.В. Седова) и в Киево-Печерской лавре.

Сравнительный анализ текстильных изделий и обуви того же времени по регионам пока не проводился, к анализу гробов недавно приступили, тут материал в рамках страны XVII–XIX вв. просто необъятный. Постепенно собираются исторически значимые коллекции, которые, в конце концов, помогут установить точную статистику распределения находок мелкой церковной пластики, прежде всего нательных крестов (их прекрасно датированные серии собираются на кладбищах по всей стране, вплоть до Дагестана: в 2014 г. в Дербенте М.С. Гаджиев обнаружил остатки землянки 1722 г. и строго привязанную к историческим событиям Персидского похода Петра I и серию крестиков из погребений солдат русского гарнизона 1722–1735 гг.).

В меньшей степени затронуты исторической археологией другие традиционные общности изделий. Легко заметить, что в первом ряду нет бытовой керамики. Действительно, ее функция маркера для хроностратиграфии позднего периода не так важна, как для ранних. Зато перед изучающими ее встают иные задачи, в большей степени историко-культурные, что показывают работы В.Ю. Коваля. Отчасти они решались в рамках Ново-Иерусалимского проекта (О.Н. Глазунова, Е.В. Майорова), где раскрылась одна из зон распространения в Москве в XVII в. западных форм посуды – ею оказалась Речь Посполитая. Важным вкладом в историю «керамического взаимодействия» стала, довольно неожиданно, каталогизация керамических комплексов турецких крепостей Приазовья (проведена И.Р. Гусач). Их гарнизоны в XVII–XVIII вв. пользовались исключительно привозной, в основном анатолийской, посудой, достаточно известной во фрагментах по всей России того же времени. Безусловно, изучение этих потоков, результат их смешения с местной традицией, представленной, прежде всего, производством московской Гончарной слободы, а также встреча и взаимодействие с керамикой Дальнего Востока и Сибири (включая сюда фарфор – вне зависимости от пути его поступления в Московию) – можно назвать исключительно перспективной, даже интригующей задачей [14]. Только начато сравнительное изучение оружия и вообще изделий из черного металла (что, опять-таки, не исключает появления отдельных статей и даже книг).

Кроме работы на поле вещеведения, огромной перспективой обладает изучение земляного и деревянного фортификационного строительства XVI–XVIII вв. Отдельных работ здесь все больше, но попытка собрать воедино информацию пока не принималась. Материал уже накоплен изрядный (что показал состав секции на V (XXI) Всероссийском археологическом съезде 2017 г. на Алтае), причем на значительном пространстве от северо-западных рубежей, южных засечных черт и встроенных в них крепостей – до острогов Сибири. Явно пора перейти к сравнительному анализу. Это не в меньшей степе-

ни касается застройки городов, городков и неукрепленных поселений – в Сибири их сейчас изучают активнее, чем в Европейской России, но материала для сравнения довольно и здесь.

Особенно существенной для археологии позднего Средневековья и Нового времени является глубокая и системная связанность с работами в области традиционной истории. Проблема в том, что понимание этого (как ни странно) не является внутренне присущим ни археологам, ни историкам (во всяком случае, в избранных хронологи-

ческих рамках), его приходится нарабатывать (первые плоды такой совместной работы [15, 16], а также готовящийся сборник «Первые шаги: Москва в XII – середине XV в. Новые открытия в области археологии, истории и топографии»). Это весьма интересный и плодотворный процесс, открывающий, в том числе, особые перспективы для таких подразделов, как история технологий и стилового развития («Археология художественного видения: художественно-исторические контексты. Международная научная конференция. 21–22 апреля 2017 г.»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. материалы для самостоятельного ознакомления с сюжетом в сети Интернет: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/china.htm>, <http://callmycow.livejournal.com/315914.html> www.reenactor.ru/ARH/PDF/Avilov.pdf <https://biography.wikireading.ru/140055>

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология позднего периода истории. Материалы круглого стола, проведенного редколлекцией и редакцией журнала «Российская археология» // Российская археология. 2005. № 1. С. 81–99.
2. Артемьев А.Р. Основные направления археологических исследований памятников истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 7–28.
3. Татаурова Л.В. Основные направления в изучении культуры русских Сибири по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 16–25.
4. Чёрная М.П. Русская археология Сибири: концепции, результаты, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2008. С. 5–26.
5. Беляев Л.А. Археология и большой нарратив русской истории: от основания Москвы к Петровским преобразованиям // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2012. С. 179–191.
6. Беляев Л.А. Археология позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 11–18.
7. Беляев Л.А. История России в начале Нового времени и памятники археологии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. III. С. 563–566.
8. Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4: 400 лет основания Ниеншанца. СПб., 2014. 160 с.
9. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М. : МГОМЗ, 2011. 432 с.
10. Керамические строительные материалы в России: технология и искусство позднего Средневековья : материалы I и II Всерос. науч.-практ. конф. Новый Иерусалим, 2014–2015. Москва ; Новый Иерусалим : Коллектор, 2016. 168 с.
11. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
12. Беляев Л.А. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история : сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке. М., 2017. (в печати)
13. Беляев Л.А. Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию академика Н.А. Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии. Москва ; Вологда : Древности Севера, 2015. С. 365–374.
14. Беляев Л.А. Средневековые вестернизации и ориентальный вектор развития Руси: археологические версии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 39–45.
15. От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : материалы науч. конф. Москва ; Вологда : Древности Севера, 2016. 520 с., ил.
16. Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: материалы науч. конф. М. : Ин-т археологии, Ин-т рос. истории, 2016. 256 с.

Belyaev Leonid A. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: labeliaev@bk.ru

HISTORICAL ARCHAEOLOGY IN RUSSIA: NEW DIRECTIONS OF RESEARCH.

Keywords: Historical archaeology; Late Medieval Period; discovery of Eurasia; comparative analysis; tile production; graves and tombs of the Modern Period.

This article represents a survey of modern trends for development and possible strategies of *Historical archaeology* which arose in Russia at the end of the 20th century. In Russia the period of Historical archaeology embraces the main part of Great Moscow principality of the 14th–15th centuries, then the Moscow Tzardom and the early Russian Empire up to the early 19th century and even later. The history of Russia as a state numbers not more than one thousand years. So the archaeology of the Modern period represents its biggest part. It is also very important to self-identification because it includes in fact all the period of national history (almost from the Mongol invasion till the Revolution of 1917, about 800 years) and illuminates all the key moments of the general national narrative. After all this period, especially the 16–18th centuries, offers a lot of various materials: remains of towns, fortresses, churches, cemeteries, workshops, early industrial enterprises, battle fields and other landscape elements. They also contain a mass of artifacts. It is obvious that the main problem of forming the historical archaeology is not the lack of material. Every year it is so numerous that only the reports compose thousands of volumes. The problem is the methods for analyzing these materials, at least their primary interpretation and conversion into the base suitable for new historical conclusions. An excess of information makes a modern researcher (dealing with late archaeology) think by limited contexts, that is by explored object, at best, by explored zones. If a researcher deals with old cities such as Moscow, Saint-Petersburg, Kazan and some towns beyond the Ural (Tobolsk, Tomsk etc.) or some deserted Russian settlements in the far North, for example, fortified settlements in Siberia, the informatics field is vast enough. However this approach does not encourage a comparative analyses. The later can be applied mainly if you deal with some special objects, typical for Moscow region. Among them there are tiles (stove and architectural) and complexes connected with burial ceremony. Among them there are surface gravestones, underground con-

structions for remains (lime stone sarcophagus shaped as human body and individual brick vaults for one coffin), clothes and shoes, as well as religious items, first of all pectoral crosses and goblets for mixture of oil and wine designed to sprinkle the earthly remains. Studying these wide spread artifacts enables us to reveal a process of penetration in Moscow region of technological, artistic and stylistic elements of Western Christian culture, mainly due to relations with Italy at the end of 15–16th centuries and later through the territory of Great Lithuanian principality, Poland, Baltic Crusader Orders, Holland and in the 18–19th centuries from almost all European countries. It is also important to reconstruct the process of assimilation of these elements and direction of their travel through Russia, opening of local production on their base and a new travel to remote territories.

REFERENCES

- Belyaev, L.A. (ed.) (2005) *Arkheologiya pozdnego perioda istorii. Materialy kruglogo stola, provedennogo redkollegiei i redaktsiei zhurnala "Rossiyskaya arkheologiya"* [Archeology of the late period of history. Materials of the round table held by the editorial board of Russian Archeology Journal]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 1. pp. 81–99.
- Artemiev, A.R. (2005) *Osnovnye napravleniya arkheologicheskikh issledovaniy pamyatnikov istorii osvoiniya russkimi Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The main directions of archaeological research of historical monuments devoted to the development of Russian Siberia and the Far East]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 7–28.
- Tataurova, L.V. (2011) *Osnovnye napravleniya v izuchenii kul'tury russkikh Sibiri po dannym arkheologii* [The main directions in studying the culture of Russian Siberia in archeology]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Branch of Russian State University of Trade and Economics. pp. 16–25.
- Chernaya, M.P. (2008) *Russkaya arkheologiya Sibiri: kontseptsii, rezul'taty, perspektivy* [Russian archeology of Siberia: Concepts, results, perspectives]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk Branch of Russian State University of Trade and Economics. pp. 5–26.
- Belyaev, L.A. (2012) *Arkheologiya i bol'shoy narrativ russkoy istorii: ot osnovaniya Moskv k Petrovskim preobrazovaniyam* [Archeology and a large narrative of Russian history: from the foundation of Moscow to the Petrine transformations]. In: Derevyanko, A., Kudelin, A. & Tishkov, V. (eds) *Istoriko-kul'turnoe nasledie i dukhovnye tsennosti Rossii. Programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma RAN* [Historical and Cultural Heritage and Russian Values. Program of Fundamental Research of the Presidium of The Russian Academy of Sciences]. Moscow: ROSSPEN. pp. 179–191.
- Belyaev, L.A. (2014a) *Arkheologiya pozdnego srednevekov'ya i novogo vremeni v Rossii: zametki o samoopredelenii* [Archeology of the Late Middle Ages and Modern Times in Russia: Notes on self-determination]. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Vol. 1. Omsk; Tyumen; Ekaterinburg: Magellan. pp. 11–18.
- Belyaev, L.A. (2014b) *Istoriya Rossii v nachale Novogo vremeni i pamyatniki arkheologii* [History of Russia in the beginning of the New Time and monuments of archeology]. In: Sitdikov, A.G. et al. (eds) *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Vol. 3. Kazan: Otechestvo. pp. 563–566.
- Sorokin, P.E. (ed.) (2014) *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga* [Archaeological Heritage of St. Petersburg]. Issue 4. St. Petersburg: Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after DS Likhachev.
- Baranova, S.I. (2011) *Russkiy izrazets. Zapiski muzeynogo khranitel'ya* [Russian Glazed Tiles. Notes of the Museum Keeper]. Moscow: MGOMZ.
- Belyaev, L.A. (ed.) (2016) *Keramicheskie stroitel'nye materialy v Rossii: tekhnologiya i iskusstvo Pozdnego Srednevekov'ya* [Ceramic Building Materials in Russia: Technology and Art of the Late Middle Ages]. Moscow: Kollektor.
- Molodin, V.I. (2007) *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Cross Pendants of the Ilim Ostrog]. Novosibirsk: INFOLIO.
- Belyaev, L.A. (2017) *K istorii i metodike izucheniya pogrebal'nykh sosudov Pozdnego Srednevekov'ya* [On the history and methodology of studying the funeral vessels of the Late Middle Ages]. In: Belyaev, L.A., Gonyanyy, M.I. & Ershov, I.N. (eds) *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sb. st. k 60-letiyu N.A. Krenke* [De Mare Ad Mare studies In Archaeology And History in Honour of Nikolay Krenke]. Moscow: Institute of archaeology Russian Academy of Sciences.
- Belyaev, L.A. (2015) *Zametki po istorii antropomorfnykh sarkofagov v Evrope i Rossii* [Notes on the history of anthropomorphic sarcophagi in Europe and Russia]. In: Gaidukov, P.G. (ed.) *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kul'tura* [Cities and Towns of Medieval Russia: Archeology, History, Culture]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 365–374.
- Belyaev, L.A. (2016) *Medieval westernisations in Russia and the Oriental factor: An archaeological approach*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42) pp. 39–45. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/8
- Belyaev, L.A. (ed.) (2016) *Ot Smuty k Imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv.* [From the Troubles to the Empire. New Discoveries in the Field of Archeology and History of Russia of the 16th – 18th centuries]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa.
- Belyaev, L.A. & Rogozhin, N.M. (eds) (2016) *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikakh: Moskovskaya Rus', Rossiyskaya Imperiya i ikh sosedi* [Medieval Personality in Written and Archaeological Sources: Moscow Rus, The Russian Empire and Their Neighbours]. Moscow: Institute of Archeology, Institute of Russian History.